

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 26–39

Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2024, vol. 13, iss. 1 (49), pp. 26–39

<https://akmepsy.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-26-39>

EDN: WKMSQP

Научная статья

УДК 159.9.07

Полевые исследования: проблема, задачи, возможности. Часть 1

В. А. Толочек

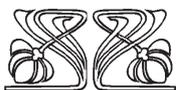
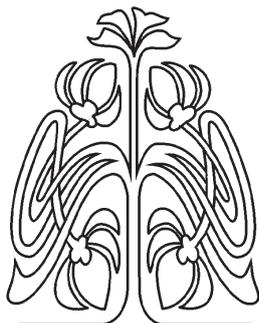
Институт психологии Российской академии наук, Россия, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13

Толочек Владимир Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

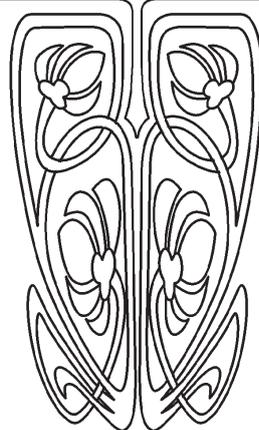
Аннотация. Более столетия состояние психологии характеризуется как кризис (кризис методологии). Настоящее состояние социальных объектов, выступающих для нас предметами исследования, характеризуется возрастающей динамичностью, изменчивостью. Современность в ее типичных объектах, обстоятельствах проведения научно-исследовательских работ (НИР) и научно-практических работ (НПР) ординарными исследователями чаще остается вне поля внимания методологов и историков науки. Изменение условий проведения НИР и НПР в современных организациях требует переосмысления методов и методологии дисциплины, третьего уровня дисциплинарной методологии, условно названных нами «методы и методология полевых исследований». Названная проблема еще маскируется и сглаживается доминированием в отечественной психологии исследованиями на моделях учебных групп (школьников, студентов, слушателей семинаров и др.), т. е. НИР и НПР, проводимых в сравнительно несложных условиях. Но спектр научно-исследовательских и практических задач много шире; выраженное смещение в сторону обследования преимущественно учебных групп, в пространства «доступности и комфорта», ведет к эрозии дисциплины. *Цель:* историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения НИР в современной организации. *Методы:* анализ научной литературы, психодиагностика, рефлексия опыта научной и практической работы НИР в современных организациях. *Резюмируется,* что: 1) взаимосвязаны состояние методологии дисциплины, понимание ее метода, предмета и технологии проведения актуальных научных исследований, объяснения полученных результатов; 2) даже при строго заданных условиях диагностики, при наличии административных ресурсов методологические и методические проблемы сохраняются и воспроизводятся; 3) вопросы диагностики в пространстве и времени современных организаций переводят нерешенные задачи «методов и методологии полевых исследований» в статус «проблем в квадрате», «проблем в кубе»; 4) одним из наименее разработанных вопросов психодиагностики выступает вопрос «ситуации», требующий своего конструктивного решения.

Ключевые слова: методология дисциплины, методы, предмет, ситуация, полевые исследования, диагностика, проблемы, вопросы

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, тема № 0138-2024-0017 «Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений».

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Толочек В. А. Полевые исследования: проблема, задачи, возможности. Часть 1 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 26–39. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-26-39>, EDN: WKMSQP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Field research: Problem, tasks, opportunities. Part 1

V. A. Tolochek

Institute of Psychology RAS, 13 Yaroslavskaya St., Moscow 129366, Russia

Vladimir A. Tolochek, tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Abstract. For more than a century, the state of psychology has been characterized as a crisis (crisis of methodology). The present state of the social objects, which serve as the research subjects for us, is characterized by increasing dynamism and variability. The current state, as reflected in its typical objects and conditions of conducting scientific research and practice work by ordinary researchers, often remains out of the attention span of methodologists and historians of science. Changes of the conditions created for conducting scientific research and research and practice work in modern institutions require reinterpreting the methods and methodology of the discipline and of the third-level disciplinary methodology. These are conventionally called by us “methods and methodology of field research”. The raised issue is masked and smoothed out by the dominance in Russian psychology of researches based on models of academic groups (schoolchildren, students, seminar listeners, etc.), i.e., by scientific research and research and practice works conducted under relatively simple conditions. However, the range of research and practical tasks is much wider; a pronounced shift to studies of mainly academic groups is a shift to “accessibility and comfort” zone and it leads to the erosion of the discipline. *Purpose:* historical and theoretical analysis of methodological, methodical and organizational aspects of conducting the research in a modern institution. *Methods:* analysis of scientific literature, psychodiagnostics, reflection on the experience of scientific research and practical work in modern institutions. It is summarized that: 1) the state of the discipline methodology, understanding of its method, subject and technology of conducting relevant scientific research, and explanation of the results obtained are interrelated; 2) with the availability of administrative resources methodological and methodical problems persist and are reproduced even under strictly specified diagnostic conditions; 3) diagnostic issues in the space-time dimension of modern institutions change the unresolved tasks of “methods and methodology of field research” into the status of “raised to the second power problems, “raised to the third power problems”; 4) one of the least developed issues of psychodiagnostics is the issue of the “situation”, which requires its constructive solution.

Keywords: methodology of the discipline, methods, subject, situation, field research, diagnostics, problems, issues

Acknowledgements and funding. The research was carried out within the framework of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, topic No. 0138-2024-0017 “Professional Activity and Personal Development of a Human in the Context of Organizational and Anthropogenic Changes”).

For citation: Tolochek V. A. Field research: Problem, tasks, opportunities. Part 1. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, vol. 13, iss. 1 (49), pp. 26–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-26-39>, EDN: WKMSQP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Платон в разных своих произведениях упоминал утверждение Гераклита, философа, жившего в V в. до н. э., что все движется и ничего не стоит, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно; регулярно вспоминаем это утверждение и мы. Разные исторические стадии развития психологии определялись разными задачами и условиями их решения, в одни периоды дисциплина была более востребована, в другие менее, в разное время актуальными становились разные социальные задачи [1–8]. Даже если нам приходится неоднократно «входить в ту же реку», едва ли это возможно сделать, ничего не меняя в организации нашей деятельности.

Современность в ее типичных объектах, обстоятельствах организации и проведения научно-исследовательских работ (НИР) и научно-практических работ (НПР) ординарными

специалистами чаще остается вне поля зрения методологов и историков науки. Для развернутой методологической рефлексии им нужен определенный лаг времени – проблема должна «созреть», стать явно актуальной, действительно и регулярно «заявлять о себе», а разрабатывающий ее ученый вырасти в яркого, неординарного, крупного профессионала. Именно этим и задаются предпосылки ее обстоятельного рассмотрения и изучения. «Будни» дисциплины с «черновой работой» ординарных исследователей мало привлекательны для методологов и историков науки. Сравнительно медленные, эволюционные изменения, происходящие с социальными объектами, также могут долго оставаться без должного внимания ученых. Одно из этих изменений, фиксируемое пока лишь на уровне личного «опыта» и того отношения к действительности, которое называют «*постижение*» [9], по нашему мнению, уже переходит

в новую качественную определенность. Изменения в условиях проведения НИР в современных организациях, которые уже сегодня вырастают в серьезную научную и научно-практическую проблему, условно названы нами «методы и методология полевых исследований».

Названная проблема еще маскируется и сильно сглаживается доминированием в отечественной психологии исследований на модели учебных групп (школьников, студентов), т. е. в сравнительно несложных условиях. Но спектр наших научно-исследовательских и практических задач много шире, а выраженное смещение обследования в сторону преимущественно учебных групп, т. е. в пространство «доступности и комфорта», ведет к эрозии дисциплины. Цель настоящего исследования: историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения НИР и ННР в современной организации. Методы: анализ научной литературы, психодиагностика, рефлексия опыта научной и практической работы НИР в современных организациях.

Статус метода в гуманитарных дисциплинах в XIX–XX вв.

На протяжении XX в. и особенно во второй его половине в разных гуманитарных дисциплинах (психологии, социологии, культурологии и др.) ученые активно обсуждали аспекты методов и методологии, решая вопросы самоопределения как своих авторских позиций, так и дисциплины в целом [10–12]. Обстоятельно проблему метода и методологии в психологической науке рассматривали С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев и другие ученые: «Методы, т. е. пути познания, – это способы, посредством которых познается предмет науки. ... Служа раскрытию закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки» [13, с. 38] (здесь и ниже курсив наш. – В. Т.); методы «функционируют как системы операций с психологическими объектами и как гносеологические объекты для самой психологической науки» [1, с. 191]; «Управление ходом развития науки, прогнозирование ее главнейших тенденций, планирование научных исследований ... требует фундаментального знания о реальном состоянии научного аппарата данной науки, ... оптимального соотношении различных методов в общей методологической структуре психологии» [там же, с. 191–192]; «... метод занимает в структуре науки центральное место...» [4, с. 224]; «... метод представляет собой обязательную часть методологии психологической науки...» [там же, с. 225].

Вопросы предмета и метода были и остаются базовыми, принципиально важными наряду с методологическими принципами. На рубежных этапах развития общества и науки эти базовые составляющие дисциплин нередко пересматриваются. Так, например, условия становления и эволюции методологии отечественной психологии, меру разработанности ее методологических принципов (постулатов), составляющих «ядро» дисциплины (принципов системности, детерминизма, деятельности, отражения, единства сознания и деятельности; постулатов о рефлексорной природе психики, ее социальности), довольно критично обсуждал В. П. Зинченко, констатируя «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность, так называемых, методологических принципов советской психологии» [14, с. 114].

Доминирующими темами в обзорных работах многих ученых также выступают те же «вечные» дисциплинарные вопросы [7, 15–19]). При этом примечательны и изменения тональности работ методологов в разные исторические периоды – середины, второй половины XX в. и рубежа двух столетий. Если первоначально обычно это были четкие и даже жесткие констатации «состояния вопроса», то в настоящем, скорее, уже они обсуждаются как открытые вопросы, допускающие и требующие развернутой научной дискуссии.

Немного об истории разработки базовых дисциплинарных вопросов. Со второй половины XIX в. в философии позитивизма утвердился примат «конкретного» эмпирического опыта, знания, полученного посредством научного метода. Позитивистами постулировалось, что научное познание есть его высшая форма, что именно научные методы обеспечивают получения подлинного знания о явлениях окружающего мира. Примечательно, что представления ученых о высоком статусе метода как атрибута научного познания, как ключевого аргумента достоверности знания, хорошо согласуются с контурами классической парадигмы: «...научная работа объективно в своей методике всегда реализует ту или иную методологию» [13, с. 38]; «Управление ходом развития науки, прогнозирование ее главнейших тенденций, планирование научных исследований ... требует фундаментального знания о реальном состоянии научного аппарата ... об оптимальном соотношении различных методов в общей методологической структуре психологии» [1, с. 191–192]; «Среди эмпирических методов ... сходное значение имеет объективное наблюдение»

ние...» [там же, с. 209]. Так, обсуждая проблему современного человекознания, Б. Г. Ананьев проводит обстоятельный анализ, какие методы должны применяться для решения задач того или иного класса. Другими словами, тип научных задач связывался с конкретным методом исследования как «достаточным и необходимым» условием получения знания.

В последней четверти XX в. философы М. К. Мамардашвили, В. С. Степин и др. назовут такой подход классическим типом рациональности, приемлемым для решения сравнительно несложных научных задач, достаточно адекватного для описания несложных объектов науки. Неклассический тип рациональности, неклассическая парадигма высветили новое принципиально важное в науке – неабсолютность, неуниверсальность метода. «Любое свойство любого объекта не принадлежит этому объекту самому по себе, а всегда проявляется только во взаимодействии с ... другим объектом» [20, с. 41]; «предмет и метод не отделены друг от друга; предмет не существует до того, как он начинает изучаться» [там же, с. 42].

Переход к постнеклассическому типу рациональности, к работе в логике постнеклассической парадигмы порождает новые формы познания, в том числе еще не утвердившиеся в академической психологии, например обращение психологов к понятиям «*постижение*» и «*опыт*». Оба понятия, уже активно используемые философами в начале XX в. (Дж. Дьюи, У. Джеймс и др.), не только еще новы и нетипичны для академической психологии XX в., но и предполагают иные «форматы» их научной экспликации. По своему объему и содержанию они более широки, чем освоенные психологией ранее понятия, такие как знание, познание, умения, навыки и т. п. Новые понятия менее определены, труднее поддаются формальному определению. Так, например, «*постижение*» представляет собой такой тип понимания, который направлен не на простое, а на сложное: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий» [9, с. 167]; «это такое *схватывание целого*, части которого мы по тем или иным причинам *не можем познать и детально описать*» [там же, с. 168] (здесь и ниже курсив наш. – В. Т.); «успешность *постижения* связана с осознанием человеком того, что он живет в таком мире, где существует много событий и ситуаций, которые ему *никогда не удастся отчетливо осознать и детально описать*» [там же, с. 169]; «*опытом* называются сохранившиеся в нашей памяти осмысленные

и пережитые ситуации познания и общения, включающие возможные способы действий в них» [там же, с. 95]; «*опыт* считается *основой всего непонятного знания о действительности*. ... опыт рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. ... Опыт объединяет в себе декларативные и процедурные знания, знание “что” и знание “как”» [там же, с. 96]; «опыт – знание, которое непосредственно дано сознанию субъекта и сопровождается чувством прямого контакта с познаваемой реальностью... Большинство философов сближали опыт с чувственным знанием» [21, с. 158].

Итак, сущность научного познания – постоянное усложнение его инструментальных возможностей, меры их формализации, возможности их «однозначного» определения вне контекста задач, ситуаций исследования, особенностей объекта, типа концептуальных схем. И если в начале XX в. примат в организации научной дисциплины отводился *методам*, то в XXI в. – уже сложным комбинациям внешних и внутренних условий субъекта. Среди таких условий познания выделим понятие «*ситуация*» как отражение единства реализуемых ученым методологии и методов, целей исследования, а также изменчивого состояния субъектов как фрагментов социальной действительности. Одним из них, «субъектом 1», назовем исследователя, изучающего в качестве своего «предмета» «субъекта 2» – другого человека, группу людей, также изменчивых и эволюционирующих социальных объектов.

Но если в наших концептуальных построениях давно признано и регулярно декларируется требование признания *активности субъекта* (как концепта и даже как методологического принципа), пора признать активность каждого субъекта – реального человека, в том числе и того, кого мы обследуем и изучаем. Признать активность субъекта – каждого реального человека, – нам должно сделать и следующий шаг, а именно признать, что всякое взаимодействие с ним (в том числе «элементарная» психодиагностика) будет определяться не только лишь нашей («субъекта 1»), но и его («субъекта 2») активностью, а сам процесс нашего взаимодействия реально представляет собой динамичную «*ситуацию*», в которой далеко не все складывается так, как запланировал один из участников взаимодействия («субъект 1»). И если на уровне методологической рефлексии такое признание давно утвердилось в отечественной психологии, то на уровне проведения

полевых исследований оно еще не получило должной операционализации и технологической разработки.

В завершение обсуждения представлений ученых об «опыте», протекающем в определенных «ситуациях», в первом приближении будем трактовать «ситуацию» как фрагмент опыта человека, обретаемого им в процессах постижения и рефлексированного как множество условий внешней среды и внутренних условий человека. Все «ситуации» представляют собой сложные ансамбли связей, отношений и свойств фрагментов действительности, не все из которых мы можем описать средствами современной нам науки (многие из них выходят за пределы «круга наших понятий»).

Эволюция социальных объектов и типовые ситуации проведения НИР

Типология ситуаций психодиагностики: типы отношений диагноста и обследуемых, возможности и ограничения контроля. Безусловно, сложные ансамбли связей, отношений и свойств фрагментов действительности давно привлекали внимание психологов, ориентированных на изучение социального и психического как целого. В зарубежной психологии в изучении личности, интеллекта, мотивации, поведения в последние годы активно разрабатываются вопросы контекстов, в которых и проявляются эти феномены; наиболее употребимым конструктом здесь выступает «ситуация». При этом признается, что корректная операционализация конструкта крайне сложна [22]. Даже согласованность ученых в отношении разделения на две группы физических условий среды и психологических (субъективных) характеристик оставляет много «открытых» вопросов [23–27]. В русле нашего обсуждения важно отметить, что ученые, как правило, согласованы в том, что именно психологические (субъективные) характеристики вносят решающий вклад в восприятие человеком ситуации во всей ее сложности [24, 27, 28].

Понимая ситуацию как «полимодальную репрезентацию актуального фрагмента окружающей действительности, который реконструируется субъектом в процессе активного взаимодействия со средой» [29, с. 38], согласимся, что «ситуации не имеют четких границ, динамически изменяются (не устойчивы в пространстве / времени) и не существуют без воспринимающего их. Ситуационные характеристики реконструируются путем приписывания некоторой причинной силы или качеств, охватывающих психологически значимые и важные аспекты ситуации» [там же, с. 39] (курсив наш. – В. Т.).

В русле нашего обсуждения также выделим как принципиально важное – актуальным ситуациям люди склонны приписывать характеристики и статус реального фрагмента действительности [28]. Другими словами, в плане решения прикладных и ряда научных задач мы должны принимать как равнозначные и объективные, и субъективные условия в организации деятельности и поведения людей. Принимая во внимание все большее доминирование в последние десятилетия бланковых методов исследования, признаем, что мы оперируем преимущественно субъективными категориями, пристрастно отражающими человеком те или иные фрагменты реальности, представленные ему как «ситуации».

Рассмотрим варианты классификации возможных ситуаций, представленных в процессе проведения конкретных исследований — психодиагностики младших школьников. Размышляя о формировании экологически валидной типологии исследовательских ситуаций, В. Н. Дружинин, подчеркивая отсутствие в дисциплине «приемлемой психологической классификации диагностических ситуаций» [3, с. 359] (курсив наш. – В. Т.), предлагает свой вариант типологии. Для ее создания «необходимо: 1) основываться на представлении о психодиагностической процедуре как о научно-практической задаче, в ходе решения которой взаимодействуют психодиагност и испытуемый; 2) описывать отношения между испытуемым и диагностом; 3) чтобы типология ... позволяла предсказывать направление воздействия ситуации тестирования на результаты; 4) чтобы диагностика основывалась на ... механизме воздействия ситуации на испытуемого... на его поведение, т. е. результате тестирования» [3, с. 359–360].

Далее автор выделяет «четыре крайних варианта ситуаций: 1) добровольное участие ... самостоятельный выбор дальнейшего жизненного поведения; 2) принудительное участие, самостоятельный выбор поведения; 3) принудительное участие, выбор поведения после обследования навязан; 4) добровольное участие, выбор поведения после обследования навязан» [3, с. 360]. В. Н. Дружинин последовательно раскрывает содержание разных сложившихся видов взаимодействия психолога и обследуемого и классифицирует их. Так, к первому типу относятся ситуации добровольной консультации, ко второму – профессионального отбора, к третьему – массовые обследования, участие в которых обязательно, к четвертому «множество ... ситуаций, возникающих в повседневной

работе психолога и встречающихся в обыденной жизни. Все они характеризуются высоким уровнем социального контроля за поведением испытуемого, принуждением его к участию в обследовании» [3, с. 363]. При этом в разных ситуациях явно различается мотивационный «вектор», регулирующий участие человека в исследовании (принудительное – «внешняя» мотивация, добровольное – «внутренняя»).

Итак, выделим принципиальные аспекты различения разных ситуаций, важных для нашего анализа: психодиагностика есть множество актов взаимодействия субъектов – представителей двух сторон; поведение обследуемого управляется факторами либо внешними, либо внутренними (его мотивацией), которые чаще взаимодействуют; особенности этого взаимодействия – внешней и внутренней мотивации, складывающегося эмоционального фона, стиля поведения диагноста – проявляются в результатах диагностики, в актуальном и последующем поведении обследуемого. Подобные механизмы взаимодействия представителей двух сторон, их проявление в результатах психодиагностики рассматривают и другие ученые [28, 29].

Подчеркнем также, что В. Н. Дружинин был озабочен и считал необходимым расставить точки над *i* даже в отношении сравнительно простых ситуаций – обследования личностных и интеллектуальных особенностей школьников посредством стандартных тестов. Мы же рассматриваем намного более сложные варианты – обследования взрослых часто с использованием «исследовательских», т. е. еще не имеющих должных психометрических характеристик методик. И если в отношении первых ситуаций работу психолога облегчают различие в возрасте, опыте, социальном статусе диагноста и обследуемых, а также возможность привлечения административных ресурсов – со стороны учителя, воспитателя, преподавателя, администратора, – то при обследовании персонала организации (чаще на территории этой организации) люди выступают как члены контактной группы, а следовательно, консолидированно, чаще не ожидая для себя какой-либо выгоды от навязанных им процедур.

Обратим внимание – даже в отношении хорошо изученных, достаточно четко эксплицируемых феноменов, изучаемых в типовых, стандартных, строго определенных условиях, конструкт «ситуация» признается открытой проблемой. Надо полагать, что в тех пространственно-временных отношениях, в которых исследователь едва ли может контролировать

даже часть значимых условий, влияющих на поведение и деятельность обследуемого, конструкт «ситуация» уже предстает «проблемой в квадрате». Если продолжить анализ обсуждаемой проблемы, нужно признать, что восприятие «ситуации» обследуемым не сводится лишь к ее оценке («what is what?»). Восприятие человеком лично значимой «ситуации» чаще выступает как часть *понимания*, а следовательно, восприятия человеком не только актуального как интерпретации действительного, но и как прогнозирования возможного [20, 30]. Другими словами, казалось бы, совершенно простой акт в восприятии исследователя (предложение человеку отвечать на простые вопросы) в восприятии самого обследуемого может приобретать другие планы, другие масштабы, другие измерения.

Рефлексируемая реальность как динамичность состояния социальных объектов. Новые состояния социальных объектов и общества в целом маркируются философами и социологами нередко эмоционально насыщенными эпитетами – «текущая современность» (З. Бауман), «цивилизационный слом» (В. А. Неклесса), «глобализация» (Р. Робертсон), «постапокалиптический мир» (В. А. Подарога), «культурный шок» (К. Оберг), «постиндустриальное общество» (А. Кумарасвами, Д. Белла). Для описания типичных состояний социальных объектов даже предлагается выразительная аббревиатура VUCA (первые буквы английских *volatility, uncertainty, complexity* и *ambiguity* – нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность) как отражение нового общепризнанного требования к научным подходам. Так, например, в последние годы в научных публикациях нередко встречаются выразительные декларации — оценки современности вроде «в мире VUCA невозможны даже кратковременные прогнозы», «в мире VUCA нельзя использовать прежние рабочие модели», «проблема неопределенности сопряжена с понятием “хаоса”», как и типичные варианты ответов на вызовы времени типа «трудно прогнозируемая динамика изменений современного мира требует обращения к понятиям VUCA-мира, VUCA-среды», «надежный прогноз предполагает оперирование понятиями “VUCA-организация”» (VUCA-субъект, VUCA-среда, VUCA-компетентность, VUCA-менталитет и т. п.).

В 2008 г. в отношении big data выделялись три критерия, или «три V», – объём (англ. *volume* в смысле величины физического объёма), скорость (*velocity* – скорость обработки и получения

результатов), многообразие (*variety* – возможности одновременной обработки различных типов структурированных и полуструктурированных данных). Но уже десятилетие спустя выделяют до восьми критериев, или «восьми V», – к названным выше также добавляются достоверность, жизнеспособность, ценность, переменчивость, визуализация (*veracity, viability, value, variability, visualization*). И следует полагать, что восемь критериев – не предел числа измерений динамичных социальных объектов.

Принимая во внимание возрастающее ускорение эволюции социальных объектов, в частности отражаемую в постоянном расширении критериев их оценки, возрастающие возможности информационных технологий, нужно ориентироваться на переход к новому пониманию «измерения», «описания», «изучения» социальных объектов разного рода и величины. Другими словами, рост сложности социальных объектов и / или нашего понимания их сложности требует умения оперировать большими комплексами рабочих понятий, в том числе сравнительно сложными, неоднозначными, строго не определяемыми понятиями, переходом к построению более сложных многомерных описаний социальных объектов как предмета нашего исследования.

Еще один мощный поток «вызовов» – вопросы отношений поколений, форм и способов трансляции культуры. После выхода книги Нила Хау и Уильяма Штрауса [31], предложивших схему смены поколений на примере истории США, тема типичных особенностей людей, рожденных в XX и XXI вв., стала активно развиваться как самими авторами книги, так и другими. Концепция периодической смены поколений, получившая название «теория XYZ-поколений», стала популярной, приобрела много как сторонников, так и критиков. Ее поддерживали, развивали и расширяли, уточняли хронологические рамки, адаптировали к национальным историческим событиям, в том числе и в СССР – России [32]. Теория XYZ-поколений стала своего рода «астрологией» XX–XXI вв.

Не принимая посылки о большом сходстве миллионов разных людей, рожденных в определенном временном интервале, все же нельзя не согласиться с мощным влиянием на процессы социализации человека типичных условий окружения. Выделяемый временной интервал около 20 лет отражает естественные границы физического и социального взросления человека, его готовности и возможности вступления в брак, это время завершения обучения

и активного вступления в трудовую жизнь. Понятно, что с учетом ускорения исторического развития новорожденные попадают в новую социально-историческую среду с типичными для нее структурой семьи и количеством в ней детей, уровнем общего и специального образования, возрастом начала трудовой жизни и вступления в брак, типичными условиями труда и досуга, уровнем материального благополучия родительской семьи, формами материальной и иной поддержки молодых со стороны родителей и многим другим [33].

Изменяющиеся формы получения знаний, их доступность, доминирующие формы трансляции культуры (постфигуративная – передача знаний от взрослых к детям, кофигуративная – преимущественное получение людьми знаний от своих сверстников, префигуративная – передача знаний от детей взрослым), согласно М. Мид [34], несомненно не могут не оказывать большого влияния на формирование субъективного мира людей, их поведение, отношения с миром. Что-то разрушается, становится сравнительно редким явлением, что-то, напротив, – преобладающим, характерным для многих людей и их отношения к другим, их «отношения» в широком смысле (по В. Н. Мясищеву).

На протяжении XX в. заметно, от поколения к поколению, изменялось отношение людей в широком смысле – к семье, к труду, к организациям и рабочим коллективам, к покупкам и формам досуга, к пониманию благополучия и счастья. В частном случае в продолжение последних 30–40 лет можно говорить и об изменении отношения людей к проведению психологических обследований как «отношения» в узком смысле слова. Особенно явно это изменение поведения людей наблюдается при проведении НИР и ННР в организациях, в физическом пространстве и времени организации.

Комплексная диагностика в организации как альтернатива: актуальность, возможности, ограничения, перспективы. Напомним одно из таких признанных в современной психологии положений, как выделение четырех уровней методологии – философской методологии, общенаучных диалектических принципов, частных научных методов, а также конкретных методик и процедур исследования [4, 6, 8, 12, 19, 20, 35, 36]. Конкретизируя и ограничивая круг обсуждаемых нами вопросов, уточним, что технологии проведения полевых исследований, т. е. НИР и ННР в физическом пространстве и времени организации, предполагают разработку

научного инструментария для решения задач данного класса, а именно разработку частных научных методов и конкретных методик и процедур исследования. Спектр этих технологий, согласно общепринятому определению относимых к третьему и четвертому уровням методологии, можно условно назвать *методами и методологией полевых исследований*.

Здесь одна из ключевых проблем – комплексные научные исследования. Очевидно, что изучение динамичных сложных социальных объектов – задача комплексных исследований. Сохраняющаяся дисциплинарная обособленность и узкая специализация ученых даже в границах одной научной дисциплины (в нашем случае в психологии труда, психологии организационного развития, инженерной психологии, эргономике) не только почти исключает проведение комплексных исследований, но и крайне затрудняет саму возможность оперирования эмпирическими данными разной природы. И это проблема не только третьего уровня методологии – разработки принципов совместимости разных методов исследования, содержания рабочих понятий, рожденных в разных областях дисциплинарного знания, различающегося по своим базовым подходам, используемым шкалам измерения, критериям выделения явлений как научного факта и пр. [5–7, 35–38].

О необходимости в современной науке комплексных исследований, о переходе от дисциплинарного «предмета» исследования к «проблеме» методологи и ведущие ученые активно говорят с 1970–1980-х гг., но заметного смещения преобладающих форм познания не заметно, во всяком случае в гуманитарных дисциплинах, в том числе и психологии. Можно призывать к реализации «вертикальной, горизонтальной и диагональной интеграции» [39], но их практическая реализация видится крайне затруднительной. «Эффективность комплексного исследования в психологии в значительной мере обусловлена степенью концептуального совпадения понимания и трактовки предмета психологии в научно-исследовательских подходах...» [4, с. 229]. «В работах У. Куайна, Т. Куна и П. Фейерабенда говорится о несоизмеримости научных теорий. Несоизмеримы теории, несоизмеримы они еще и потому, что у них нет общей фактуальной базы. ... при таком подходе не учитывается сложная архитектура факта» [там же, с. 336].

Складывается впечатление, что и организационно, и методологически, и даже методи-

чески возможности реализации комплексных исследований мало изменились за минувшие столетия. По нашему мнению, главная причина проблемы разработки методологии третьего уровня – разработка частных научных методов (за последние 20 лет психологи значительно продвинулись в овладении культурой разработки и адаптации методик). Принимая во внимание множество формальных требований для полноценной разработки методологии третьего уровня, необходимость адекватного отражения специфики решаемых задач, множество препятствий социально-психологического плана (включаемых методологами в понимание «парадигмы», «типа рациональности»), должно признать, что это область множества разных «опытов» (по Дж. Дьюи, У. Джеймсу), вероятно, область множества компромиссных вариантов, из которых лишь со временем могут выкристаллизовываться «общепризнанные», точнее, имеющие ряд достоинств, искупающих их ограничения, технологии. Такие технологии могут быть найдены, в них органично и конструктивно будут согласованы отношения общих (всеобщих), специфических и единичных аспектов изучаемых классов объектов – деятельности и поведения конкретных людей и социальных групп, социальных институтов.

Признаем, что преобладающие сегодня изучаемые классы объектов и ситуаций крайне просты и не побуждают ученых к разработке своих методологических решений. Если на протяжении более чем столетия обследуемый предстает перед исследователем как отдельный, изолированный человек, диагностируемый в «классических» условиях (письменный стол / парта, учебная аудитория), когда проводится типичная оценка иных качеств человека ретроспективно и опосредованно (учет успеваемости, поведения), когда «работают» и обычно значительная разница в возрасте обследуемого и исследователя, и прямое или опосредованное присутствие социально значимого, вышестоящего лица (наставника, учителя, преподавателя, администратора), многое в реализации таких технологий упрощается, но едва ли повышается качество получаемого знания.

Для сравнения, при проведении НИР и НПР в пространстве – времени современных организаций контексты условий далеко не всегда благоприятны для проведения исследования. В полевых исследованиях каждый обследуемый предстает перед исследователем как один из членов контактной группы, т. е. группы организованной, которая выступает консолидиро-

ванно как социальная «единица», отличающая «своих» от «чужих», и действует на «своей территории». Добавим, что условия социальной микросреды и мезосреды как субъективно важные для организации поведения и деятельности людей все чаще признаются учеными как значимые «факторы» (по Б. Ф. Ломову), что субъективное видение условий окружения ими понимается как крайне важные «переменные», подлежащие учету и контролю [7, 18, 33].

Итак, уже сами актуальные условия проведения психологического исследования в современных организациях настоятельно требуют учета комплекса условий, которые можно условно именовать «*ситуация*», понимая ее как новый конструкт, отражающий новую реальность, который должен быть включен в саму процедуру НИР как чрезвычайно важный. Но за этим добавление следуют другие вопросы, интерпретации полученного материала, или – проблема *научного объяснения*.

Объяснение в психологии

Проблема объяснения в науке, и в психологии в том числе, была и остается открытым вопросом, сочетанием разных представлений ученых вплоть до противоположных [2, 3, 30, 37, 39–46]. Одним из объяснений такого положения дел признаем то, что подходы к решению «проблемы объяснения» «преломляются в предмете, методе, парадигме и истории развития конкретной науки» [41, с. 391]. Критически анализируя как взгляды отечественных ученых, так и позицию зарубежных коллег, В. А. Мазиллов отмечает, что доминирующими парадигмами в зарубежной психологии до сих пор остаются бихевиоризм и когнитивизм, а в последние десятилетия к ним можно добавить методологемы и идеологемы активно развивающейся нейронауки. Но и при этом расширении поля дисциплины можно констатировать, что общая теория объяснения в психологии так и не предложена. Приведем ряд выразительных тезисов. «Объяснение относится к числу вечных проблем философии и науки. ... сама философия возникла как попытка античных мыслителей понять и объяснить мир. ... Специфика решения проблемы объяснения преломляется в предмете, методе, парадигме и истории развития конкретной науки. ... удовлетворительная теория объяснения в психологии, к сожалению, отсутствует. В научной психологической литературе полноценные объяснения встречаются крайне редко» [Там же].

Наиболее радикальным решением обсуждаемой проблемы В. А. Мазиллов видит

«включение методологии объяснения в более широкий контекст, где представлены другие методологические концепты, а также интегрировать в структуру психологического исследования» [40, с. 59]. Последнее предполагает «признать множественность, многомерность видов объяснения, отказаться от монополии причинно-следственного объяснения и одновременно восстановить его в правах как первостепенную задачу и функцию научной психологии; преодолеть изжившие себя рудименты классической науки...» [там же]. Ожидаемой перспективой такой науки должны стать «создание новой концепции объяснения в психологии», что «предполагает глубокую трансформацию психологической науки, смену парадигмы психологического знания», что «должно заложить предпосылки для становления постнеклассической психологической теории» [там же, с. 60].

При обращении к более широкому контексту жизни дисциплины, далее подчеркивается: «Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство его осуществления имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории – комплексе исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического или теоретического психологического исследования»; «... по мере развития психологии процедуры объяснения усложняются. В первую очередь происходит усовершенствование самих исследовательских схем» [там же, с. 61]. Малоутешительной для состояния современной психологии видится и заключительная констатация: «... многие аспекты, характерные для психологической теории и прикладных ... исследований, не отвечают тем критериям, на основании которых мы отличаем науку от не-науки. В их числе – фрагментация психологических знаний, потеря теоретико-методологической идентичности, подмена объяснения психологических явлений их описанием и интерпретацией» [40, с. 65].

Подчеркнем важные для нашего обсуждения аспекты представленной выше позиции: 1) проблема объяснения – одна из ключевых в науке, в том числе в психологии; 2) объяснение – органичная часть методологии, метода и предмета дисциплины; 3) объяснение в психологии находится в генетической и функциональной связи как с методологией, методом, предметом, так и с организацией актуального исследования, с работой с актуальной фактографической базой.

Заключение

Обобщая результаты критического анализа, можно резюмировать, что множество актуальных вопросов организации и проведения НИР и ННР стягивается в один «узел». Вероятно, этот «узел» «развязывать» и / или «разрубать» можно только средствами конструктивной методологии всех уровней, методологией, ориентированной на решение социальных задач конкретных классов. Но и методология, рассматриваемая сама по себе, вне ее использования для решения конкретных социальных задач, также находится не в лучшем состоянии.

Посредством методологии внимание психологов систематически акцентируется на перманентно кризисном состоянии нашей дисциплины – она находится в «глубоком методологическом кризисе» [4, с. 421], рубеж двух столетий стал временем «осознания методологических проблем психологии, ее кризиса и поиска новых ориентиров развития науки» [15, с. 100]. В качестве симптомов неблагополучия называются нечеткость соотнесения прошлых и современных достижений дисциплины, сохраняющаяся дистанция между научной рефлексией и психологической практикой, слабые связи между отдельными областями и фрагментами психологического знания [2, 4, 8, 39]. Нарушается целостность «психологического знания в трех основных измерениях: “прошлое – настоящее”, “теория – практика”, “рассогласованность между различными теориями”» [9, с. 226]. Обсуждая более детально комплексы сопряженных вопросов, ученые нередко определяют их как «открытые» проблемы. Есть основания говорить о воспроизводстве этих проблем в разных масштабах методологий и предметов исследования. Умножение каскада «открытых» проблем эмпирических исследований на «открытые» проблемы методологии, вероятно, дает нам проблемы «в квадрате».

Взаимосвязи методологии дисциплины, понимание ее метода, предмета, технологии проведения актуальных исследований, принципов и алгоритмов объяснения полученных результатов отмечались и отмечаются учеными на протяжении уже более чем столетия. Даже в масштабе собственно дисциплинарной методологии у нас далеко не все «общепризнанно». Показательно, что даже при строго заданных условиях диагностики, при наличии достаточно мощного административного ресурса, которым располагают некоторые ученые, эти проблемы остаются и воспроизводятся [3, 29].

Одним из возможных путей разрешения «узла проблем» может быть *переход к локальным системам измерения психического*, разработка средств фиксации актуального состояния изменяющегося объекта здесь и сейчас с фиксацией его динамических состояний в системе измерений, обозначаемых понятием «ситуация». Признаем, что в настоящее время вопросы «ситуации» остаются слабо разработанными в психодиагностике как разделе психологии, в методологии полевых исследований, обсуждаемой выше, в методологии первого и второго уровня. Но извечная относительная неполнота решения проблем методологии первого и второго уровня – *уровня философской методологии и общенаучных диалектических принципов* – не отрицает необходимости решения актуальных вопросов методологии третьего уровня – *частных научных методов*.

Конструктивный вариант перехода к локальным системам измерения психического видится в разработке средств фиксации состояния даже динамического, изменяющегося объекта здесь и сейчас, обозначаемого понятием «ситуация». Возможно, именно «ситуация» есть ключевое звено в цепочках познания свойств фрагментов социальной действительности. В реальных полевых исследованиях в пространстве – времени современных организаций тема «ситуации» требует ее обстоятельного описания в избранной системе измерений, и первым шагом в этом случае должно стать обсуждение того, чем нас ограничивают простые схемы описания и что нам дают сложные схемы НИР. Необходимы последовательная операциональная разработка способов фиксации состояния фрагментов социальной действительности, определение содержания понятия «ситуация» для разных классов объектов (различающихся по их логическому «объему» и «содержанию»), изучение наших возможностей оперативного адекватного описания «ситуации», а также рефлексия того, какие концептуальные «сети» мы набрасываем на фрагменты действительности, какие наши концепты позволяют выделять грани и свойства «ситуаций».

Еще раз отметим, что для перспектив развития нашей дисциплины далеко не безразлично, какие схемы НИР обычно используются психологами в их повседневности, каков их эвристический потенциал, что относительная нерешенность задач методологии для НИР в пространстве – времени современных организаций переводит обсуждаемые выше сложности в статус проблем «в квадрате» и даже проблем

«в кубе». Проблемы организационного, методологического, методического порядка были и будут. Для начала нужно признать очевидность перманентного более или менее выраженного изменения социальных объектов, выступающих для нас предметом исследований, различать и разделять условия наших познавательных возможностей и ограничений.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб. : Питер, 2001. 272 с.
2. *Васильюк Ф. Е.* Структура и специфика теории понимающей психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2008. Т. 16, № 1. С. 5–33. EDN: KAUFNN
3. *Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. Избранные труды. М. : Институт психологии РАН, 2007. 541 с.
4. *Мазилев В. А.* Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
5. *Толочек В. А.* Технологии профессионального отбора. М. : Юрайт, 2024. 262 с.
6. *Толочек В. А.* Психология труда. 3-е изд., доп. СПб. : Питер, 2021. 496 с.
7. *Толочек В. А.* Условия социальной среды как факторы социальной успешности субъекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20, № 1. С. 129–150. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-1-129-150>
8. *Юревич А. В.* Методология и социология психологии. М. : Институт психологии РАН, 2010. 271 с.
9. *Знаков В. В., Рябикова З. И.* Психология человеческого бытия. М. : Смысл, 2017. 416 с.
10. *Парыгин Б. Д.* Социальная психология. СПб. : СПбГУП, 2003. 616 с.
11. Теория культуры / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб. : Питер, 2010. 592 С.
12. *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Академкнига ; Добросвет, 2003. 596 С.
13. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб. : Питер, 1999. 720 с.
14. *Зинченко В. П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). Ярославль : МАПН, 2003. Т. 1. С. 98–134.
15. *Гусельцева М. С.* Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115. EDN: ZENRNB
16. *Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Вместо введения: Основные типы тенденций развития психологии // Новые тенденции и перспективы психологической науки / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М. : Институт психологии РАН, 2019. С. 5–8. EDN: WSLMVE
17. *Марцинковская Т. Д.* Психология в современном мире // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М. : Институт психологии РАН, 2007. С. 33–44.
18. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М. : Аспект Пресс, 1999. 429 с.
19. *Шадриков В. Д.* Психология деятельности человека. М. : Институт психологии РАН, 2013. 464 с.
20. *Корнилова Т. Н., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. СПб. : Питер, 2006. 320 с.
21. *Лекторский В. А.* Опыт // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2001. Т. 3. С. 158–159.
22. *Reis H. T.* Reinvigorating the concept of situation in social psychology // Personality and Social Psychology Review. 2008. Vol. 12, iss. 4. P. 311–329. <https://doi.org/10.1177/1088868308321721>
23. *Rauthmann J. F., Gallardo-Pujol D., Guillaume E. M., Todd E., Nave C. S., Sherman R. A., Ziegler M., Bell Cooper A., Funder D.* The situational eight DIAMONDS: A taxonomy of major dimensions of situation characteristics // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. Vol. 107, iss. 4. P. 677–718. <https://doi.org/10.1037/a0037250>
24. *Rauthmann J. F., Sherman R. A., Funder D. C.* Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations // European Journal of Personality. 2015. Vol. 29, iss. 3. P. 363–381. <https://doi.org/10.1002/per.1994>
25. *Saucier G., Bel-Bahar T., Fernandez C.* What modifies the expression of personality tendencies? Defining basic domains of situation variables // Journal of Personality. 2007. Vol. 75, iss. 3. P. 479–504. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00446.x>
26. *Wagerman S. A., Funder D. C.* Situations // Cambridge handbook of personality psychology / eds. P. J. Corr, G. Matthews. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 27–42.
27. *Yang Y., Read S. J., Miller L. C.* The concept of situations // Social and Personality Psychology Compass. 2009. Vol. 3, iss. 6. P. 1018–1037. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2009.00236.x>
28. *Edwards J. A., Templeton A.* The structure of perceived qualities of situations // European Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 35, iss. 6. P. 705–723. <https://doi.org/10.1002/EJSP.271>
29. *Воронин А. Н., Горюнова Н. Б.* Ситуационный подход в психологических исследованиях // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, П. А. Сабадош. М. : Институт психологии РАН, 2020. С. 37–44.
30. *Знаков В. В.* Психология возможного: новое направление исследований понимания. М. : Институт психологии РАН, 2020. 257 с.

31. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company. 1991. 538 p.
32. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ. 2-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 664 с.
33. Гришина Н. В. Психология жизненного пути // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 5. 81–88. EDN: IBPACN
34. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / пер. с англ. М. : Наука, 1988. 429 с.
35. Толочек В. А. Профессиональный менталитет как динамичное образование // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 338–349. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-338-349>
36. Толочек В. А., Машкова А. С. Компетенции: методы исследования, результаты, сущностные свойства психологических объектов: взаимосвязи и взаимограничения // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 4. С. 253–270. EDN: FZEMDV
37. Костин А. Н., Голиков Ю. Я. Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М. : Институт психологии РАН, 2014. 448 с.
38. Толочек В. А., Машкова А. С. Компетенции и профессиональные взаимодействия руководителей: открытые вопросы // Организационная психология. 2023. Т. 13, № 1. С. 181–202. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-2-181-202>
39. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 1. С. 97–106. EDN: HTEZQX
40. Мазилев В. А. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая. На пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. 2020. № 7. С. 50–65. <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.20.07.P.59>
41. Мазилев В. А., Костригин А. А. Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17, № 3. С. 390–413. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-390-413>
42. Мазилев В. А. Объяснение в философии науки // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 7–8.
43. Никитин Е. П. Объяснение – функция науки. М. : Наука, 1970. 280 с.
44. Colombo M. Experimental philosophy of explanation rising: The case for a plurality of concepts of explanation // Cognitive Science. 2017. Vol. 41, iss. 2. P. 503–517. <https://doi.org/10.1111/cogs.12340>
45. Marraffa M., Paternoster A. Functions, levels, and mechanisms: Explanation in cognitive science and its problems // Theory and Psychology. 2013. Vol. 23, iss. 1. P. 22–45. <https://doi.org/10.1177/0959354312451958>
46. Piccinini G., Craver C. Integrating psychology and neuroscience: Functional analyses as mechanism sketches // Synthese. 2011. Vol. 183, iss. 3. P. 283–311. <https://doi.org/10.1007/s11229-011-9898-4>

References

1. Anan'ev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya* [About Issues of Modern Human Knowledge]. St. Petersburg, Piter, 2001. 272 p. (in Russian).
2. Vasilyuk F. E. Structure and Specificity of Theory of Understanding Psychotherapy. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2008, vol. 16, no. 1, pp. 5–33 (in Russian) EDN: KAUFHH
3. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey. Izbrannye trudy* [Psychology of General Abilities. Selected Works]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2007. 541 p. (in Russian).
4. Mazilov V. A. *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of Psychological Science: History and Actuality]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2017. 419 p. (in Russian).
5. Tolochek V. A. *Tekhnologii professional'nogo otbora* [Technologies of Professional Selection]. Moscow, Yurayt, 2024. 262 p. (in Russian).
6. Tolochek V. A. *Psikhologiya truda* [Labor Psychology]. 3rd ed. St. Petersburg, Piter, 2021. 496 p. (in Russian).
7. Tolochek V. A. Conditions of the social environment as factors of social success of a person. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2023, vol. 20, no. 1, pp. 129–150 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-1-129-150>
8. Yurevich A. V. *Metodologiya i sotsiologiya psikhologii* [Methodology and Sociology of Psychology]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2010. 271 p. (in Russian).
9. Znakov V. V., Ryabikina Z. I. *Psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of Human Being]. Moscow, Smysl, 2017. 416 p. (in Russian).
10. Parygin B. D. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. St. Petersburg, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 2003. 616 p. (in Russian).
11. Ikonnikova S. N., Bol'shakov V. P., eds. *Teoriya kul'tury* [Theory of Culture]. St. Petersburg, Piter, 2010. 592 p. (in Russian).
12. Yadov V. A. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsial'noy real'nosti* [Strategy of Sociological Research. Description, Explanation, Comprehension of Social Reality]. Moscow, Akademkniga, Dobrosvet, 2003. 596 p. (in Russian).
13. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Foundations of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 1999. 720 p. (in Russian).
14. Zinchenko V. P. Transient and Everlasting Issues of Psychology. *Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo*

- seminara: Metodologiya psikhologii* [Proceedings of Yaroslavl methodological seminar: (Methodology of Psychology)]. Yaroslavl', MAPN Publ., 2003, vol. 1, pp. 98–134 (in Russian).
15. Guseltseva M. S. Cultural historical psychology: From the classical to a post-non-classical image of the world. *Voprosy Psichologii*, 2003, no. 1, pp. 99–115 (in Russian). EDN: ZENRNB
 16. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. *Vmesto vvedeniya: Osnovnye tipy tendentsiy razvitiya psikhologii* [Instead of Introduction: Base Types of Trends of Development of Psychology]. In: Zhuravlev A. L., Yurevich A. V., executive eds. *New Trends and Prospects of Psychological Science*. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2019, pp. 5–8 (in Russian). EDN: WSLMVE
 17. Martsinkovskaya T. D. Psychology in Modern World. In: Zhuravlev A. L., Yurevich A. V., executive eds. *Teoriya i metodologiya psikhologii: postneklassicheskaya perspektiva* [Theory and Methodology of Psychology: Post-Non-Classic Prospect]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2007, pp. 33–44 (in Russian).
 18. Ross L., Nisbett R. *Chelovek i situatsiya. Perspektivy sotsial'noy psikhologii* [The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology]. Moscow, Aspekt Press, 1999. 429 p. (in Russian, transl. from English).
 19. Shadrikov V. D. *Psikhologiya deyatel'nosti cheloveka* [Psychology of Person's Activity]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2013. 464 p. (in Russian).
 20. Kornilova T. N., Smirnov S. D. *Metodologicheskie osnovy psikhologii* [Methodological Foundations of Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2006. 320 p. (in Russian).
 21. Lektorskiy V. A. Experience. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.]. Moscow, Mysl', 2001, vol. 3, pp. 158–159 (in Russian).
 22. Reis H. T. Reinvigorating the concept of situation in social psychology. *Personality and Social Psychology Review*, 2008, vol.12, iss.4. pp. 311–329. <https://doi.org/10.1177/1088868308321721>
 23. Rauthmann J. F., Gallardo-Pujol D., Guillaume E. M., Todd E., Nave C. S., Sherman R. A., Ziegler M., Bell Cooper A., Funder D. The situational eight DIAMONDS: A taxonomy of major dimensions of situation characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2014, vol. 107, iss. 4, pp. 677–718. <https://doi.org/10.1037/a0037250>
 24. Rauthmann J. F., Sherman R. A., Funder D. C. Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations. *European Journal of Personality*, 2015, vol. 29, iss. 3, pp. 363–381. <https://doi.org/10.1002/per.1994>
 25. Saucier G., Bel-Bahar T., Fernandez C. What modifies the expression of personality tendencies? Defining basic domains of situation variables. *Journal of Personality*, 2007, vol. 75, iss. 3, pp. 479–504. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00446.x>
 26. Wagerman S. A., Funder D. C. Situations. In: Corr P. J., Matthews G., eds. *Cambridge Handbook of Personality Psychology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 27–42.
 27. Yang Y., Read S. J., Miller L. C. The concept of situations. *Social and Personality Psychology Compass*, 2009, vol. 3, iss. 6, pp. 1018–1037. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2009.00236.x>
 28. Edwards J. A., Templeton A. The structure of perceived qualities of situations. *European Journal of Social Psychology*, 2005, vol. 35, iss. 6, pp. 705–723. <https://doi.org/10.1002/EJSP.271>
 29. Voronin A. N., Goryunova N. B. Situational approach in psychological researches. In: Zhuravlev A. L., Kholodnaya M. A., Sabadosh P. A., eds. *Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nykh peremen* [Human Abilities and Mental Resources in the World of Global Changes]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2020, pp. 37–44 (in Russian).
 30. Znakov V. V. *Psikhologiya vozmoznogo: novoe napravlenie issledovaniy ponimaniya* [Psychology of Possible: A New Direction of Researching Comprehension]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2020. 257 p. (in Russian).
 31. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company, 1991. 538 p.
 32. Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation*. NJ, Princeton University Press, 2006. 356 p. (Russ. ed.: Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 664 p.).
 33. Grishina N. V. Life course psychology. *Psychological Journal*, 2007, vol. 28, iss. 5, pp. 81–88 (in Russian). EDN: IBPACN
 34. Mead M. *Culture and The World of Childhood: The selected works*. Moscow, Nauka, 1988. 429 p. (in Russian, transl. from English).
 35. Tolochek V. A. Professional Mentality as a Dynamic Structure. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 338–349 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-338-349>
 36. Tolochek V. A., Mashkova A. S. Competencies: research methods, results, essential properties of psychological objects: Relationships and mutual restrictions. *Organizational Psychology*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 253–270 (in Russian). EDN: FZEMDV
 37. Kostin A. N., Golikov Yu. Ya. *Organizatsionno-protsessual'nyi analiz psikhicheskoy regulyatsii slozhnoy deyatel'nosti* [Organizational and Processual Analysis of Psychic Regulation of Complex Activity]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2014. 448 p. (in Russian).
 38. Tolochek V. A., Mashkova A. S. Competencies and professional Interactions of managers: Open ques-

- tions. *Organizational Psychology*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 181–202 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-2-181-202>
39. Yurevich A.V. Explanation in psychology. *Psychological Journal*, 2006, vol. 27, no. 1, pp. 97–106 (in Russian). EDN: HTEZQX
40. Mazilov V. A. The subject of psychological science and the problem of explanation in psychology (Second paper. On the road to development of a new explanation concept). *Higher Education Today*, 2020, no. 7, pp. 50–65 (in Russian). <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.20.07.P.59>
41. Mazilov V. A., Kostrigin A. A. The problem of scientific explanation in modern foreign psychology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, vol. 17, iss. 3, pp. 390–413 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-390-413>
42. Mazilov V. A. Explanation in Philosophy of Science. *Methodology and History of Psychology*, 2008, vol. 3, iss. 1, pp. 7–8 (in Russian).
43. Nikitin E. P. *Ob"yasnenie – funktsiya nauki* [Explanation is a Function of Science]. Moscow, Nauka, 1970. 280 p. (in Russian).
44. Colombo M. Experimental philosophy of explanation rising: The case for a plurality of concepts of explanation. *Cognitive Science*, 2017, vol. 41, iss. 2, pp. 503–517. <https://doi.org/10.1111/cogs.12340>
45. Marraffa M., Paternoster A. Functions, levels, and mechanisms: Explanation in cognitive science and its problems. *Theory and Psychology*, 2013, vol. 23, iss. 1, pp. 22–45. <https://doi.org/10.1177/0959354312451958>
46. Piccinini G., Craver C. Integrating psychology and neuroscience: Functional analyses as mechanism sketches. *Synthese*, 2011, vol. 183, iss. 3, pp. 283–311. <https://doi.org/10.1007/s11229-011-9898-4>

Поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 15.12.2023
The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 10.12.2023; accepted for publication 15.12.2023